

Творчество Виталия Александровича Закруткина хорошо знакомо читателям. Он является автором военной хроники «Кавказские записки», романов «У моря Азовского», «Пловучая станица», повести «Матерь человеческая», эпопеи «Сотворение мира». Первые произведения были написаны по горячим следам войны, которую писатель в качестве военного корреспондента закончил в

Берлине. С 1945 года он живет и работает в станице Кочетовской на Дону. Плодотворный труд литератора, трижды отмеченный государственными премиями, он вот уже более тридцати лет сочетает с депутатскими обязанностями. За роман «Сотворение мира» писатель удостоен Государственной премии СССР 1982 года. Сегодня он беседует с нашим корреспондентом.

— Виталий Александрович, какую тему вы считаете главной в своем творчестве?

— В творчестве моем всегда преобладали две темы: человек на земле и человек на войне. Только внешне кажется, что они не связаны. Войны не может быть вне земли. Земля страдает и испытывает те же беды и потери, что и люди. Сожженные почвы, отравленные реки — все это испытывает земля. И человек, который на земле работает.

— А каково соотношение в ваших произведениях факта и художественного вымысла, реальных событий и творческого воображения?

— Могу сказать, что ни одна из написанных мною книг не была плодом чистого вымысла. Обязательно должен был быть какой-то реальный факт, который бы заставил мое сердце сжаться.

Как, например, написалась «Матерь человеческая»?

Осенью сорок третьего года наша армия прорвала фронт между Таганрогом и Мариуполем. Важно было не дать противнику оторваться. Я, будучи в то время военным корреспондентом, застрел в раставившихся войсках и понял, что не успеваю к событиям, которые должны были произойти на реке Молочной. На машине я и мой шофер попытались пробиться вперед. Именно на этом пути мы и оказались на сожженном маленьком хуторе. Когда проезжали его, шофер еле успел притормозить: прямо из-под колес выскочил полуголый мальчишка, и мы услышали женский крик. Из полуразрушенного погребка выбралась женщина в солдатской шинели. Когда она увидела на наших фуражках советские звезды, то стала сквозь рыдания рассказывать, как провела здесь больше года, не видя человеческого лица, не слыша человеческого голоса...

Об этой встрече в сорок четвертом году я написал небольшой рассказ «О живом и мертвом». Прошло время, и когда я стал перелистывать свой рассказ, то был смущен: настолько, мне показалось, невянятно и слабо я написал о тех событиях. Потом появилась повесть «Матерь человеческая». Когда она была опубликована, я получил шесть писем от разных женщин, которые благодарили за то, что я рассказал об их судьбе.

— Известно, что вы начинали как литературовед — пушкинист, занимались преподавательской деятельностью. Исследователям хорошо знакома ваша книга «Пушкин и Лермонтов». Поэтому, на первый взгляд, кажется необычным, что вы в свое время так резко изменили свой, казалось бы, найденный путь...

— Этой весной мне исполнится 75 лет. И когда я на досуге подчитываю, сколько времени я провел в городе, а сколько в деревне, то получается, что в городе я жил всего десять лет. Отец и мать были сельскими учителями.

В памятный голодный двадцать первый год они стали заниматься сельским хозяйством — иначе семья не выжила бы. Так что я, можно сказать, вернулся на круги своя. Конечно, повлияла и война. За это тяжелое время столько было увидено и пережито, что я пришел к выводу: необходимо совершить этот крутой перелом. Никакой тяжести от того, что я оставил город, какие-то удобства, блага, не было. Правда, первое время очень скучал по студентам...

я писал бы иначе, если бы не встреча с Михаилом Александровичем Шолоховым.

Литератор не может жить в замкнутом пространстве и не испытывать никаких влияний, это неестественно. У меня большая любовь к Александру Александровичу Фадееву, Леониду Максимовичу Леонову, я был тесно связан с Сергеем Николаевичем Сергеевым-Ценским, автором многих превосходных произведений, замечательного романа-эпопеи «Севастопольская

ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

Беседа с Виталием ЗАКРУТКИНЫМ

— А как «сосуществуют» литературовед с писателем?

— Сначала литературовед мешал писателю, теперь уже не мешает. Но иногда нахлынут воспоминания — так несколько лет назад появилась книга «О неуязвимом», она вышла в издательстве «Современник».

— Скажите, пожалуйста, несколько слов о романе «Сотворение мира».

— Это мой главный замысел. Ему отдано в общей сложности двадцать шесть лет работы. Мне хотелось рассказать о моем поколении, на долю которого выпала нелегкая судьба. Голодный двадцать первый год. Ломка от старого быта. Коллективизация, индустриализация страны. Блокады, которыми окружили молодую Советскую республику. Убийства за границей наших послов... Наконец, чудовищное нашествие гитлеровских оккупантов на нашу страну. Все это меня мучило, тревожило, волновало, и я решил отдать всего себя, чтобы написать о том, что довелось испытать миллионам людей нашего поколения.

Конечно, работа была сложная. Надо было освоить огромную массу фактов, событий, изучить военные стратегические планы. Архивные материалы, воспоминания о личных встречах с пленными немцами, с американцами — не только на Эльбе, но и в Иране в декабре 1943 года — все это послужило основой для романа. Главными его героями я считаю народ и время.

— Ваше имя часто связывают с шолоховской традицией. Проводят даже некоторую параллель между «Судьбой человека» и повестью «Матерь человеческая». Хотелось бы знать, творчество каких писателей оказало на вас наибольшее влияние?

— Когда я писал «Матерь человеческую», то был захвачен реальными событиями, никакие литературные примеры передо мной не стояли. Но, может быть,

страда». Я мог бы назвать многих товарищей по перу, творчество которых для меня очень значимо, — и старшего поколения, и ровесников, и молодых писателей.

Кого я особенно часто перечитываю? На протяжении всей моей жизни от отрочества и до нынешнего времени у меня неизменно преклонение перед вечными двумя именами. Если говорить о поэзии — это Пушкин, если о прозе — Лев Толстой. Перечитываю Лермонтова, Тютчева, Есенина. Очень люблю Тургенева, Чехова. Неоднозначно мое отношение к всеобщему кумиру Достоевскому. Мне нравится творчество Распутина, Астафьева. Интересным, по-настоящему талантливым художником считаю Юрия Бондарева. Из поэтов мне близки Егор Исаев, Василий Федоров. Я непоколебимый реалист, добавлю социалистический реалист. Отсюда понятны мои симпатии.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Вот уже два года работаю над повестью о сегодняшних днях, об угрозе термоядерной войны, нависшей над человечеством. Одним из эпиграфов к ней станут строчки Тютчева:

Широко, необозримо.
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготее над землей.

И у этого произведения есть некая отправная точка — она связана с судьбами двух людей, с которыми я познакомился во время пребывания у наших друзей в Болгарии. Повесть полна тревоги, инстинктивного человеческого отвращения к войне и смерти. Она будет называться «На золотых песках».

Беседу вела
В. ШИТАРЕВА.

НИКИТА СБОРНИК
14 ЯНВ 1983
Г. БОСКОВА